

СЕРГЕЙ ЯСИНСКИЙ

ХОЛОДНАЯ ДОРОГА

литературный конкурс

**Проект особого
значения**

Сергей Леонидович Ясинский

Холодная дорога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67749755

SelfPub; 2022

Аннотация

На пустынной холодной планете два астронавта работают по краткосрочному контракту. За полгода нужно определить, пригодна ли планета для колонизации. Уютная тёплая станция, полный набор высокотехнологического оборудования, благая цель, куча времени и никого вокруг. Ну почти никого.

Сергей Ясинский

Холодная дорога

– Ты уверен? – Биклафи показалось, что в вопросе Смагина прозвучала обречённость.

– Я не механик, а всего лишь астробиолог и биоинженер, но да, я вполне уверен, что чёртова штуковина снова не работает. Можешь сам убедиться.

Особых причин сомневаться в словах напарника у Руслана Смагина не было, но он всё же подошёл к рибосоме и нажал несколько кнопок. В ответ из устройства послышалось шипение. Подождали. Шипение смолкло, но из окошка подачи так ничего и не выехало.

– Ерунда какая-то! – открытое лицо Смагина плохо умело скрывать эмоции. – Сколько экспедиций до нас уже юзали эту технику?!

Биклафи погладил жёсткую с проседью щетину на подбородке. Было о чём задуматься. Похоже, стационарная рибосома, превращавшая кубики пищевых концентратов в кулинарные шедевры, собралась морить их голодом. Уже третий раз за последние две недели. Складывалось впечатление, что корпорация «Заслон», чья эмблема – шестерёнка, окружённая стилизованным трёхлистным клевером – красовалась буквально на каждом приборе, оснастила станцию подержанным оборудованием. Автоматика станции при пере-

загрузке сбоила: календарь прыгал вперёд, а часы каждый раз показывали «07:42». Дроны могли улетать от станции максимум на сорок километров, а затем начинали дико глючить. Дважды чуть не отключилась радио-печка, и теперь вот снова непонятно что.

– Может, кабель опять отошёл? – надежду в свой вопрос Биклафи не вложил. – Ну или плохой вариант...

Он слегка наклонил голову как будто прислушивался к какому-то отдалённому звуку. Смагин поводил рукой по воздуху.

– Да вроде пока не холодает. – попробовал Руслан оценить температуру в помещении. – Надеюсь, печка работает.

– Или уже включилась резервная батарея, а её надолго не хватит. В любом случае идти тебе, – бессердечно резюмировал Биклафи.

Смагин вздохнул, от природы бледное лицо голубоглазого блондина, кажется, стало ещё блеее.

Устранение неполадок относилось к обязанностям Руслана, но и у Биклафи в такие моменты работы прибавлялось. После прибытия на станцию напарники сразу разделили обязанности. Помимо исследования местной флоры и фауны, которые на холодном Мейзе разнообразием не баловали, при поломках рибосомы Биклафи занимался ещё и кухней. Это была вынужденная мера – у Смагина с кулинарией не ладилось. Точнее, ладилось так, что если бы астробиолог прибыл на станцию позднее напарника, то мог подумать, будто скуд-

ность животного мира на планете – прямое следствие кули-нарных потуг его теперешнего коллеги.

Геолог и инженер-механик Руслан Смагин занимался работой с дронами – погодная кривая, анализ проб грунта, картографирование местности, ремонт оборудования. Едва ли не самым важным оборудованием на станции были радиопечка – автономный миниреактор, перемалывающий радиоактивные элементы в отдельном флигеле неподалёку от здания станции, и молекулярный ассемблер рибосомального типа, кормивший и поивший обоих исследователей. Через подземный кабель печка подавала энергию на станцию, а рибосома была так прожорлива, что в случае перебоев с энергоснабжением автоматика отключала её первой, в то время как остальная станция переходила на резервное питание. Затем автоматика станции начинала постепенно снижать уровень отопления помещений, что при диапазоне температур на улице от минус тридцати до минус пятидесяти по Цельсию побуждало не затягивать с ремонтом.

– Вот именно, что астробиолог у нас ты, – заворчал Смагин, – так что местная живность вроде как по твоей части. Наш йети поди соскучился.

Биклафи прекрасно понимал, куда клонит напарник. Представителей фауны на Мейзе, если не считать криопланктон и самих первопроходцев, было немного. В воде между островами архипелага жили мелкие зубастые твари, которых Смагин сразу окрестил местными пираньями. Рыб-

ки имели шарообразную форму и при атаке выбрасывали из ротового отверстия длинное щупальце, снабжённое маленькими присосками с острым шипом внутри.

Отловив эту пакость, Биклафи выяснил, что шип содержит нейротоксин, вероятно парализующего действия. Однако, против кого эволюция на Мейзе создала такое оружие, осталось загадкой. Пираньи медленно дрейфовали стаями между островами снежного архипелага, где вода не замерзла из-за тёплого подземного течения. Большую часть жизни рыбки проводили в полуспячке, активно реагируя только на колебания водного зеркала. Да и как иначе, если единственной пищей, кроме криопланктона, для них могли стать немногочисленные обитатели суши?

С аборигенами, а точнее с одним из них, исследователи познакомились вскоре после прибытия на Мейз. В одно прекрасное утро в окрестностях станции объявилось заросшее густой шерстью антропоморфное существо. Гигантских стоп напарники у него не разглядели, но в остальном пришелец удивительно походил на йети. Позднее дроны обнаружили ещё одного человекообразного. Жили эти существа поодиночке, занимая по одному соседнему острову архипелага.

Сходство с человеком, по-видимому, было чисто внешним – разумного поведения аборигены не проявили. Зато продемонстрировали зверскую агрессивность, неутомимость и чудовищный запас здоровья. Когда местный йети впервые заявился в гости, то повёл себя как ревнивый муж,

заставший благоверную за супружеской изменой.

Станция представляла собой жилой модуль с лабораториями, который дополнительно защищал внешний купол с прорезанными в нём дверями и множеством узких окон-бойниц. Снаружи станцию окружала двухметровая бетонная стена. Два арочных проёма в ней служили входными воротами. На стену абориген первым делом и набросился. Смагин попытался как-то привлечь внимание йети. И это ему удалось. Вначале астронавт обратился к нему через громкоговоритель, надеясь вступить в контакт, если существо окажется разумным. Йети быстро нашёл среди укреплений динамики и три из них расколошматил. Чтобы спасти последний, Руслан вышел из здания станции с портативной звуковой пушкой. И впрямь, заметив новую цель, гость радостно помчался к первопроходцу. На направленный акустический удар, которого хватило бы, чтобы оглушить и дезориентировать крупного самца гориллы, особого внимания он не обратил.

Тогда Биклафи, занявший позицию за окном-бойницей, встретил агрессора метким выстрелом из снайперской винтовки, где вместо пули была капсула с универсальным миорелаксантом.

Без видимого эффекта.

Смагин поспешно ретировался в здание, а Биклафи через окно-бойницу успел ещё трижды угостить визитёра транквилизатором, прежде чем тот приблизился к станции на столь-

ко, что оказался в слепой для стрельбы зоне. Суммарной дозы парализующего вещества в патронах было вполне достаточно, чтобы захотелось прилечь отдохнуть парочке полновесных гиппопотамов, но йети даже не зевнул.

– А вдруг он просто зевать не умеет? – нервно улыбнулся озадаченный Смагин.

– Интересно, другой метаболизм или какая-то повышенная сопротивляемость? – Биклафи пожал плечами. – По статистике препарат достаточно надёжный.

Тварь оказалась на редкость упорной. Больше суток доносилось из-за стен станции разъярённое рычание, а внушительных размеров когти скребли металлическую обшивку. В конце концов, йети ушёл, но вернулся через два дня и с рёвом принялся за старое. Придя к выводу, что данную форму жизни считать разумной нельзя, а вот исследовать желательно, Биклафи на этот раз использовал настоящие пули.

Непрошенный гость сразу рванул к бойнице, от выстрелов он не уклонялся. Три пули вошли в туловище, но, видимо, не задели никаких жизненно важных органов. Йети только слегка притормаживал на бегу, словно натыкался на невидимую преграду, а через секунду бежал дальше, как ни в чём не бывало. С четвёртым выстрелом – уже в голову – опешивший от таких результатов астробиолог задержался, и когтистая лапа мощным ударом деформировала ствол винтовки, выглядывавший из окна-бойницы.

После отбытия визитёра Биклафи облазил внутренний

двор и нашёл на снегу несколько пятен и капель красного цвета – единственные подтверждения ранений.

Случай убедиться в живучести аборигенов представился, когда возвращавшийся из разведки дрон засёк схватку двух йети. Между островами архипелага часто дрейфовали льдины, и, наверное, один из аборигенов, как-то отбившись от пираний, забрёл на чужую территорию. Дрон может работать без подзарядки до восьми часов. В тот день он выработал только половину ресурса батареи, поэтому астронавты в течение почти четырёх часов наблюдали за жестоким поединком двух рьяных собственников.

Была ясная погода, помех не наблюдалось, и камера дрона транслировала чёткую картинку. Противники избивали, грызли и рвали друг друга когтями и зубами. Это напоминало схватку двух очень крупных бойцовых собак или взбесившихся снежных обезьян. Не хватало только крови. Лишь скудные брызги красных капель. Когда дрон засёк аборигенов, схватка уже началась. Когда на минимуме заряда батареи Смагин вынужден был увести дрон на станцию, победитель всё ещё не был определён. После этого случая у напарников на некоторое время появилась новая тема для обсуждения.

– При такой агрессивности и выраженной территориальности йети, вероятно, стали вершиной местной пищевой пирамиды, – оглаживал упрямо отрастающую щетину Биклафи, – истребили большую часть остальной фауны на планете,

и теперь не смогут поддерживать собственную популяцию.

– Поддерживать популяцию? – голубые глаза Руслана забавно округлились. – Чёрт! А ты представляешь, как эти твари трахаются?!»

Впечатлённый зрелищем жестокого поединка, Смагин утверждал, что если только это всё не было частью брачного ритуала, то спаривание между такими существами невозможно, и они, наверное, все гермафродиты. Биклафи приводил в пример земных варанов и бангалорских песчаных фурий – дескать, всему своё время, и раз уж они на Мейзе по контракту пробудут полгода, то, возможно, им ещё посчастливится увидеть брачные церемонии её обитателей. Руслан на это возразил, что у него недостаточно крепкие нервы на такое смотреть, а напарник, если пожелает лицезреть прямую трансляцию с дрона, пусть раскошеливается за просмотр канала для взрослых. А пока что следует укрепить периметр станции, а то в брачных играх придётся ещё и поучаствовать.

Каких-либо ворот, закрывающих входные арки, не было даже в проекте станции. Расчищать под ними снежные сугробы действительно могло быть неудобно. Но почему проектировщики проигнорировали йети, оставалось для напарников загадкой. Нанести значимый ущерб самому зданию станции не сумели бы и десяток аборигенов, только из-за проблем с печкой приходилось выходить во двор, а винтовка в такой ситуации, похоже, не могла гарантировать безопас-

НОСТЬ.

От стены до станции триста метров. Флигель с печкой стоит на середине этой дистанции. Обе арки входов просматриваются и простреливаются из бойниц. Если явится йети, можно будет быстро отступить на станцию, а напарник прикроет. Надо идти. До печки и обратно. Только вот почему так не хочется?

Снег сыплет, не переставая. Минус тридцать по Цельсию и толстый ковёр из крупных белых хлопьев, в которые проваливаешься по колено или выше. Смагин нехотя натягивал на себя комбинезон.

– Слушай, Ник, а может мне всё-таки взять табельный бластер? – Руслан обернулся к напарнику. – Это уже не пульки – там никакая регенерация эту тварь не спасёт.

– Зачем тебе бластер? Для поднятия собственного боевого духа? Не хуже меня ведь знаешь, что по уставу запрещено применять свертехнологичное оружие на неосвоенных планетах и территориях, которым ещё не присвоена итоговая категория. Кроме форс-мажорных обстоятельств.

– Угу, – пробурчал Смагин, – чтобы определить шансы на выживание для среднестатистических колонистов бла-бла, и заодно, чтобы внезапно вылезшее откуда-то из-под снега разумное население, прятавшееся там несколько месяцев, не переняло и не использовало в дальнейшем против нас наши же лучшие разработки.

– Думай, как тебе больше нравится. Только когда новая

смена проведёт на станции инвентаризацию и обнаружит в обойме бластера пустую графеновую ячейку, придётся писать рапорт. И я очень сомневаюсь, что комиссия сочтёт пальбу по местной фауне достаточным основанием для грубого нарушения Устава. – Биклафи сделал многозначительную паузу. – В общем, ты как хочешь, а я свой бонус к зарплате терять не собираюсь.

– Ясно, – застёгивая молнию комбеза, Руслан с укоризной посмотрел на Биклафи, – продашь шкуру напарника за тридцать сребреников, Иуда?

– Да нет, конечно! – заверил его «Иуда». – Ты ведь механик, да к тому же ещё и опытный. Твоя шкурка на полтинник потянет!

– Не знал, что ты так высоко ценишь механиков, – с лёгкой улыбкой парировал Руслан. – Надо было требовать у тебя по утрам кофе в постель.

– А вот заработает рибосома, и будет тебе кофе, – щедро пообещал Биклафи. – Бери его тогда в постель или хоть йети им угощай. У вас с ним, кстати, много общего.

– Например?

– Оба постоянно чем-то недовольны.

– Это у нас семейное, – бросил Смагин и, подхватив кейс с инструментами и винтовку, шагнул в открывшийся перед ним выход во внешнее кольцо.

Снаружи было тихо. Дворик станции казался пустынным – безжизненный закуток на спящей в снегах необитаемой

планете. При теперешних температурах снег не таял, Руслан смотрел на него, почему-то не решаясь наступить. Белая крупа под ногами выглядела почти искусственной. Смагин оглянулся на напарника, который стоял во внешнем кольце у окна-бойницы с винтовкой наготове. Биклафи показал ему поднятый вверх большой палец, и первопроходец двинулся через двор к одинокому флигелю.

Причину поломки долго искать не пришлось. Едва дойдя до цели, Руслан увидел, что снежный покров на небольшом участке рядом со стеной флигеля немного промят, как будто под ним есть углубление. Стоя на одном колене и разгребая перчатками податливую белую мишуру, Смагин уже догадывался, что там найдёт. И не ошибся. Под снегом действительно была яма. Промёрзшая твердь оказалась разрыта, и со дна раскопа на астронавта смотрел изолирующий гофрированный кожух силового кабеля, искорёженный и деформированный. Защита была надёжной, и внутри кабель, конечно, остался цел, но сработали предохранители, и подача энергии прекратилась.

Похоже, они серьёзно недооценили своего аборигена. Он оказался способен не только наводить жуть громким рычанием и царапать обшивку, но и каким-то образом сумел понять, что они используют печку, и что она как-то связана со станцией. Невероятно! Неужели это существо всё же разумно?! Получается, пока напарники спали, йети приходил на станцию. Выбрал подходящее место и вырыл яму. Тихо.

Без всегдашнего рёва и воплей. Разумеется, повредить многослойную изоляцию ему оказалось не под силу, хотя, судя по следам, он очень старался. Смагину даже показалось, что он видит отпечатки зубов. Так или иначе, а этому, мать его, йети удалось обесточить станцию. Проблему в общем-то нетрудно будет устранить... Стоп! А для чего всё это понадобилось?

Смагин на секунду застыл, а затем напряжённым взглядом обвёл двор. Вроде бы всё как обычно. Ровное снежное покрывало, на котором лежит зимняя тишина. А когда йети поблизости, о тишине можно забыть. Только ведь в этот раз его визит был совсем негромким. А возможно и не только в этот раз. Взгляд Руслана остановился на одном кусочке заснеженного двора. Кусочек как кусочек. Вроде заплатки, которую пришивают туда, где нужно спрятать дырку. По спине пробежал маленький отряд мурашек, и где-то посередине черепа проснулось и болезненно заныло давящее ощущение чужого взгляда. Руслан, всё также стоявший на одном колене, медленно потянулся за винтовкой.

– Ну что там у тебя? – грянул в наушнике голос уставшего ждателя Биклафи.

– Твою ж лунную обсерваторию! – гаркнул в ответ Смагин. – Я чуть не обеде...

И тут снег взорвался. Совсем не там, куда пару секунд назад так пристально вглядывался человек. В неприметном месте под самой бетонной стеной, метрах в сорока от Руслана

из глубин белого ада вставал снежный демон.

Оторопело, словно выбираясь из какого-то густого и вязкого желе, Смагин вскинул руку с винтовкой. Сознание на автопилоте отметило, что позицию для засады абориген выбрал между станцией и флигелем и легко может отсечь путь к отступлению. Оставалось только стрелять. Йети побежал. Не напрямик к астронавту, а именно наперерез. Ни рыка, ни воплей. Просто целеустремлённое движение охотника, настаивающего добычу.

Дыхание сбито, курок прыгает в непослушных пальцах.

Смагин выстрелил. Пуля задела йети лишь по касательной, а тот пробежал уже достаточно, чтобы вход на станцию стал недоступен даже теоретически. Затем снежный монстр развернулся к астронавту.

«Нужно попасть ему в голову!»

Второй выстрел. Левое плечо.

«Почему не стреляет Биклафи?», – успел подумать Руслан.

И тут же пришло понимание, что времени у него теперь хватит только на один, последний выстрел. Расстояние до йети шагов десять. Как в замедленной съёмке, человек с винтовкой буквально слился, синхронизировался с бегущим на него в вихре танцующих снежинок существом, ощущая даже кожей каждый его шаг. Девять. Восемь.

Всё так же стоя на одном колене, Смагин выстрелил, когда оставалось шесть шагов. И тут же понял, что нервы подвели.

Он промахнулся с расстояния почти в упор, даже не зацепив нападающего.

Поросшая шерстью фигура заслонила от него станцию, занимая почти весь обзор. Через заснеженный двор над головой Руслана пронеслась маленькая и очень горячая комета. Она увлекла за собой во всплеске красных брызг оказавшуюся у неё на пути голову йети и часть короткой шеи. Оставшееся туловище по инерции продолжило двигаться, споткнулось о человека с винтовкой и, кувыркнувшись через него, рухнуло рядом.

Мир в поле зрения Руслана почему-то пришёл в движение. В нём завертелись отливающий металлическим блеском флигель, оплавленная выбоина в бетонной стене, куда секунду назад врезалась комета, непроглядно-серое небо неприветливой планеты, Биклафи с бластером в вытянутой руке и снег. Много снега. Глубокого, почти бездонного и при этом такого близкого и совсем нехолодного снега, в который он с облегчением повалился.

В маленькой столовой было тепло и пахло свежим кофе. Руслан обнаружил себя полулежащим в пухлом обволакивающем кресле. Не медотсек – уже хорошо. На столике перед ним стоял бумажный стаканчик с ароматным напитком. Сбоку на стаканчике маячила всё та же эмблема корпорации «Заслон». Рядом, поблескивая кубиками льда, разместилось маленькое металлическое ведёрко, в зеркальной поверхно-

сти которого Смагин разглядел своё искажённое сплющенное отражение. Он был уже без комбинезона, и на коже лба выделялась чуть косо приклеенная белая полоска пластыря. Небольшой шрам от ожога – вот, пожалуй, и всё, что останется ему на память о сегодняшнем приключении. Даже не болит.

Руслан провёл ладонью по шее. Пальцы сразу же нащупали след от пневмоинжектора. «Наверное, обезболивающее»

Где-то внутри черепа ощущалось лёгкое покалывание – казалось, пробежавшая по коже волна мурашек сумела забраться прямо в мозг, или как будто там внутри восстанавливала чувствительность успевшая онеметь конечность. Щекотно. Смагин взял чашку и с удовольствием отхлебнул крепкий кофе.

Металлическая дверь тихонько отъехала в сторону, и появился Биклафи. Руслан хотел встать, но что-то в выражении лица напарника, в его отрывистых движениях заставило Смагина остаться в кресле.

Биклафи выглядел нервным и сосредоточенным. Он казался похожим на доктора, который не знает, как сообщить пациенту не слишком обнадеживающую новость.

– Как ты себя чувствуешь? – Биклафи, не мигая, смотрел Руслану в глаза.

– Кажется, неплохо. Я там снаружи вроде грохнулся в обморок. Сколько я был в отключке?

– Я оттащил тебя в медотсек, – немного помедлив, отве-

тил Биклафи. – Небольшой ожог и сотрясение мозга. Ты, кстати, хорошо всё помнишь? Я так и не понял, отчего ты вырубился. Повреждения совсем незначительные. Разве что психоэмоциональный шок, и твой мозг сам решил перезагрузиться.

Мурашки в голове Руслана засуетились сильнее.

– Такое забудешь! Так я долго пробыл без сознания?

– Я ввёл тебе обезболивающее и снотворное. Так что ты проспал восемь часов.

– Ого! И ты позволил мне столько дрыхнуть без дела? Ты заботлив, как мама, – попробовал пошутить Руслан, но Биклафи не улыбнулся.

После долгой и какой-то тревожной паузы он наконец продолжил.

– Пока ты спал, я перезапустил автоматику станции, перевёз тебя сюда, а твоё место в медотсеке занял наш сегодняшний гость.

– Да ты вкалывал, как Золушка, – восхитился Руслан, пытаясь отвлечься от надоедливого копошения в голове. – Как прошёл перезапуск? Снова вылезла ошибка календаря? Что там йети? Ты уже наверняка кучу образцов из него успел настрогать?

– Ты прав, – Биклафи пережевывал слова, как застывшую кашу. – И ошибка была, и образцов куча.

Смагин вопросительно поглядел на напарника. Тот был явно чем-то обеспокоен, а беспокойство – вещь заразная.

– Погоди. А на черта ты усыпил меня аж на восемь часов? Сотрясение и небольшой ожог? Медицинский модуль определил бы это всё и залатал меня максимум за пятнадцать минут!

– Всё так и было. А после тебя я поместил в модуль нашего, – Биклафи сделал паузу, будто пытался подобрать более подходящее слово, – йети. Рус, мне не пришлось менять настроек. Модуль решил, что внутри находится человек!

Смагин уставился на своего напарника, а затем неуверенно улыбнулся.

– Ну и шуточки у тебя...

– Я ввёл тебе снотворное и занялся анализами, – не обращая внимания на реплику Смагина, чеканил Биклафи. – Медицинский модуль не ошибся. ДНК почти идентична человеческой. Разницу составляют порядка двухсот генов, которые встречаются у других видов животных.

– Ты хочешь сказать, что эта тварь имеет тот же набор хромосом, что и человек?!

– Я сделал анализы. Именно что кучу анализов, и это никакая не ошибка! Часть тех других генов удалось идентифицировать. Там целый микст! Есть, например, некоторые гены акул и гены голого землекопа.

– Я не понимаю, – Руслан потёр висок, – что это значит?

– Ты знаешь, что многие акулы – долгожители. Они живут дольше человека, а иногда и сотни лет. Они стареют очень медленно, потому что старение зависит от накопления

в клетках повреждённых мутациями генов, а у акул есть десятки ферментов-репараз, которые восстанавливают повреждённую ДНК. Репаразы очищают геном от мутаций и препятствуют онкогенезу. А ещё у акул есть гены, отвечающие за темпы регенерации – они значительно ускоряют ангиогенез и васкуляризацию повреждённых тканей. Есть ген, регулирующий свёртываемость крови. А у голого землекопа гиалуроновая кислота для суставов синтезируется в течение всей жизни, и тоже не бывает онко. – Биклафи говорил безжалостно, веско. – И всё это, и не только, есть у того парня в медотсеке. Его ткани частично восстанавливались прямо там, пока я делал забор образцов. И знаешь, что самое интересное? – Биклафи замялся, как будто собрался сказать нечто стыдное. – Я сделал анализы крови тебе и себе. Часть этих генов есть и у нас.

Мурашки в голове обнаглели. Смагину мерещилось, что вдоль извилин его мозга, прямо между отростками нейронов очень быстро бегают маленькие деловитые насекомые.

– Знаешь, – слова стали вытекать из Биклафи медленно, как густой сироп, – я тут подумал по поводу всего этого. Что мы здесь делаем? Мейз бесперспективен для разработки. Для Корпуса и для «Заслона» здесь нет ничего полезного, зато Корпусу ведьгодились бы первопроходцы, эмиссары, солдаты, которым не нужны спецкостюмы и оружие, которые очень быстро исцеляются почти от любых ран, которые живут и остаются пригодными к службе десятки или

даже сотни лет. Совершенные люди.

– Но ведь мы здесь всего на полгода! – простонал Руслан, делая последнюю попытку отгородиться от этой непонятной ситуации и остановить суетливых букашек в своей голове.

– А ты уверен, что правильно помнишь предыдущие месяцы? – вкрадчиво спросил Биклафи. – Уверен, что знаешь, что происходит после того, как ты засыпаешь в эвакуационной капсуле, которая должна доставить тебя домой? Память – это ведь тоже в значительной степени рибонуклеиновая кислота, процесс синтеза которой можно перенаправить в любом направлении.

– Ты хочешь сказать, что йети – это какие-то мутанты?

– Сам подумай.

Смагин почувствовал, что его синапсы полностью заполнены крохотными существами. Вся поверхность его мозга скрылась под копошащейся массой. На одно короткое мгновение они все застыли, выстроившись в какую-то сложную схему, а затем разом куда-то исчезли. Руслан мотнул головой и часто заморгал.

– Я думаю, – продолжал Биклафи, – нам стоит вскрыть эвакуационный модуль. Там кодовый замок, нужно найти файл с паролем...

– 0742

– Что?

– Попробуй «0742». – глядя куда-то мимо напарника, хрипло выговорил Смагин.

– Почему? – тихо спросил Биклафи.

– Потому что код был у нас перед глазами при каждом перезапуске системы.

Биклафи проследил за взглядом Руслана. Тот неотрывно смотрел на стоящий на столе стаканчик с кофе. На эмблему «Заслона» на этом стаканчике.

– В эвакуационном отсеке есть ноут. На рабочем столе лежит папка с файлами. Несколько групповых фотографий, техническая документация и наше письмо. Впрочем, текст я помню. А ты, ты вспомнил?

Мы, группа сотрудников корпорации «Заслон», в рамках сотрудничества с Корпусом обнаружения и освоения дальних миров (далее КООДМ) провели комплекс биоинженерных экспериментов с целью увеличить адаптационные способности человеческого организма. Главной задачей мы считаем создание новых, совершенных людей, способных колонизировать далёкие планеты, невзирая на любые трудности. Наша цель коррелирует с главной задачей КООДМ – предотвратить гибель человечества.

В ходе исследований у земных животных были выделены гены, дающие их носителям значимые конкурентные преимущества в условиях их среды обитания, в том числе значительно повышающие регенеративные способности, функциональную активность и продолжительность жизни.

Были составлены различные комбинации этих генов и с

помощью генетических ножниц (исп. CRISPR-Cas9) внедрены в организмы подопытных животных. Во многих случаях у подопытных наблюдались летальные исходы, однако результаты применения некоторых комбинаций, которые мы назвали криспер-коктейлями, превзошли наши ожидания.

В процессе исследований нам удалось выделить две комбинации, при применении которых у лабораторных животных не было выявлено летальных исходов, и при этом наблюдалось увеличение адаптивных способностей. Мы назвали эти комбинации «АЛЬФА» и «ОМЕГА».

Использование варианта «АЛЬФА» приводило к выраженному росту регенеративных возможностей организма вплоть до способности быстро восстанавливаться после обширных ранений и даже утраты отдельных внутренних органов. Подопытные животные также утрачивали чувствительность к болевым стимулам, что являлось побочным эффектом. Из-за влияния на нервную систему наблюдались вспышки неконтролируемой агрессии и частичная или полная утрата способности к социальному поведению. Подобные явления также сопровождались фенотипическими изменениями: увеличение мышечной массы, гиперкератоз и избыточный рост шерсти. Частота и степень проявления побочных эффектов у подопытных варьировала. В высокой степени побочные эффекты проявлялись менее чем в 30% случаев.

Использование варианта «ОМЕГА» давало наименее вы-

раженные адаптационные изменения в организмах подопытных и сопровождалась минимальным проявлением побочных эффектов.

Опасаясь, что в случае публикации полученных результатов дальнейшие исследования могут быть прекращены по этическим соображениям, мы приняли решение самостоятельно провести тестирование полученных образцов «АЛЬФА» и «ОМЕГА» на добровольцах.

Эксперимент будет проводиться на внесённой в серый список КООДМ планете Мейз (по старым навигационным картам «Лабиринт»), где расположены уже неэксплуатируемые станции для базирования первопроходцев.

Участники будут разбиты на пары, каждая из которых получит либо «АЛЬФУ», либо «ОМЕГУ». Для чистоты эксперимента участникам с их согласия будет предварительно проведена деконструкция памяти с наложением новых воспоминаний (легенда).

После введения криспер-коктейлей участники должны будут согласно своим легендам совместно жить и работать в течение шести месяцев. Это минимальный срок, в течение которого мы планируем оценить возможные побочные эффекты, в том числе влияние криспер-коктейлей на высшую нервную деятельность.

Через шесть месяцев участники погрузятся в нефункционирующие эвакуационные капсулы, где после специального сигнала произойдёт реконструкция их памяти. После ре-

конструкции участники должны будут пройти финальный тест на адаптивные способности, в результате чего придут на расположенную отдельно свободную станцию (см. карту), о которой до этого в целях чистоты эксперимента помнить не будут. На станции они смогут, введя пароли и свои идентификационные данные, подать сигнал о помощи в КООДМ.

Эвакуационные капсулы имеют встроенные медицинские модули, которые проведут диагностику и определяют состояние участников. В случае выявления каких-либо отклонений обоим участникам в паре будет проведена повторная деконструкция памяти, и эксперимент продолжится. Процедура деконструкции может повторяться. К финальному этапу эксперимента могут быть допущены лишь участники, соответствующие ожидаемым показателям.

Мы делаем это ради будущего.

С уважением Павел Григорьев, Андрей Майков, Руслан Смагин, Николас Биклафи

Дошло далеко не сразу.

– Финальный тест на адаптивные способности? — Пальцы Биклафи привычно гладили жёсткую густую щетину. – Это ещё что такое?

– На улице от минус тридцати до минус пятидесяти. Мы на архипелаге, а между островами и льдинами стаями плавают миленькие рыбки. Теперь понимаешь, для чего у них

нейротоксин, и почему мои дроны не хотели улетать от станции далеко?

Руслан протянул руку и указал на эмблему «Заслона».

– Это похоже на карту местности, не так ли? – Смагин прищурился, глядя на белый стаканчик. – Наш архипелаг – это любой из треугольников. Нам нужно суметь выбраться отсюда. Пункт назначения обозначен точкой.

– Йети... – Биклафи запнулся. – Андрей и Пашка, значит, сумели.

– В этом «АЛЬФА» им действительно помог.

– Но какой ценой?! Мы отдали свои жизни, но этого не хватило. – Биклафи ошарашено смотрел на Смагина. – Рус, мы продали души дьяволу ради того, во что верили.

– Нет, мой друг, мы *отдали* свои души делу, в которое верили, потому что *не боялись* отдать жизни. – Руслан улыбнулся. – Архипелаг не бесконечен, прорвёмся...

– У нас две винтовки и два бластера. – Пальцы наконец оставили щетину в покое. – А когда заряды закончатся, мы точно узнаем, на что способны новые совершенные люди.

Биклафи посмотрел напарнику в глаза, тоже улыбнулся и кивнул головой.

Смагин встал.

– Прихватчу запасные комбезы. Дорога будет холодной.

Стаканчик с недопитым кофе так и остался стоять на столе.